

Александр Соловьев

Знаковые люди

«Коммерсантъ»

2007

Соловьев А.

Знаковые люди / А. Соловьев — «Коммерсантъ», 2007

В этой книге собраны опубликованные в разное время в журнале «Коммерсантъ. Деньги» в рубрике «Story» истории жизни тех, кто в разные времена повелевал умами, кошельками, душами, да и жизнями тысяч, а то и миллионов людей. Наши герои жили в разные эпохи, их свершения можно оценивать по-разному – кто-то оставил после себя выдающиеся произведения искусства или россыпь новых технологий, кто-то – основополагающую теорию или глобальную идею, а кто-то – развалины мифа или потрясающую по размаху, эффективности и жестокости преступную империю. Но все они в результате сделали наш мир, нашу жизнь такой, какая она есть, и без них нашу историю представить уже невозможно.

© Соловьев А., 2007

© Коммерсантъ, 2007

Содержание

Микеланджело. Великий скупой итальянского возрождения	6
Столбовой буржуй	8
Несговорчивый исполнитель	9
Дальновидный конкурент	10
Папский угодник	11
Маниакальный риэлтер	12
Ватиканский спонсор	13
Мартин Лютер. Великая октябрьская реформация	14
Монах рабоче-крестьянских корней	16
Предоплата за грехи	18
Лавина сорвалась	20
Еретик в законе	22
Игнатий Лойола. Рыцарь печального ордена	24
Инвалид войны	26
Баскский экстремист	28
Люди в черном	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Соловьев

Знаковые люди

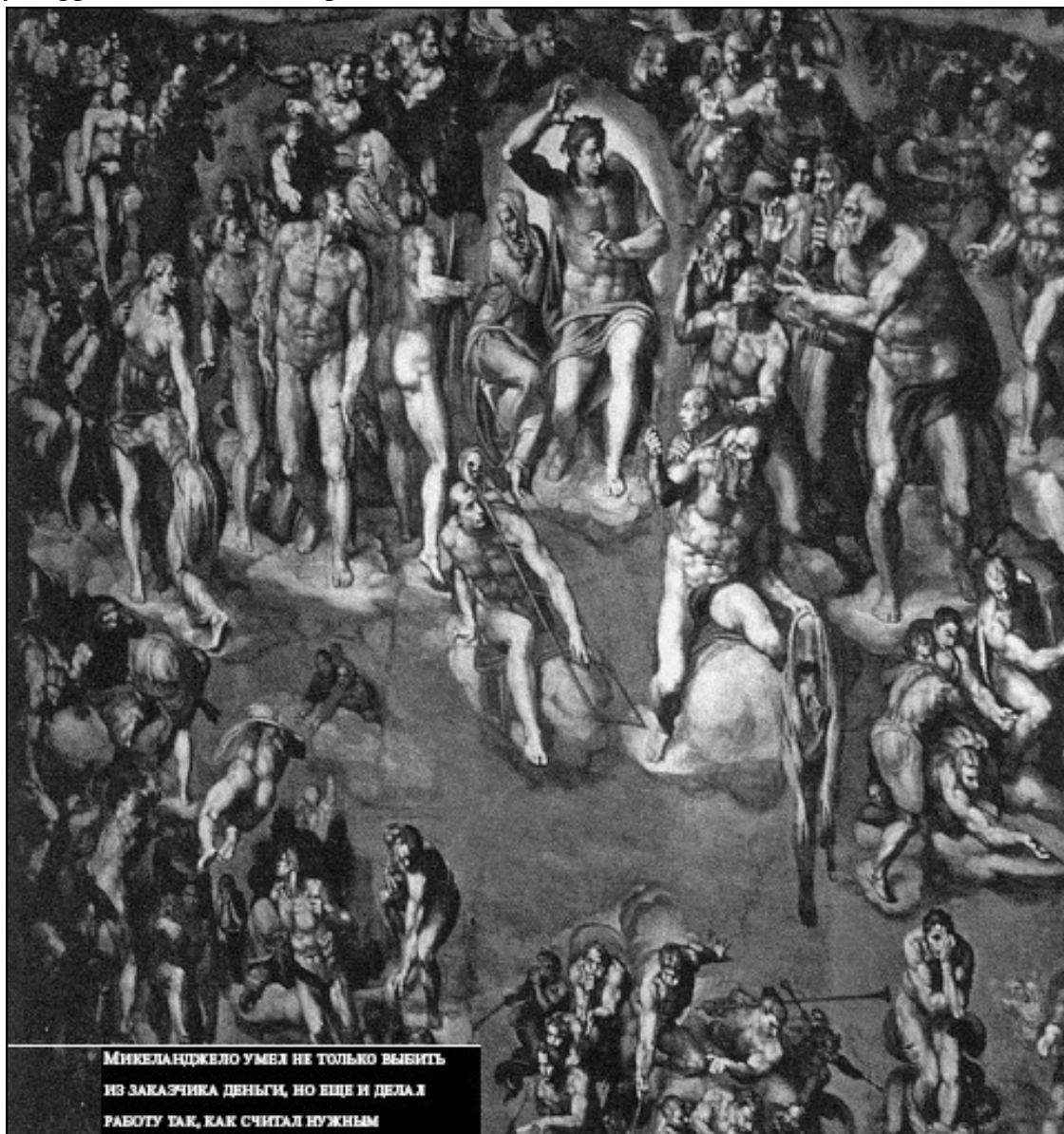
*До них
мир был...
совсем другим*

Великие произведения искусства и хитроумные политические комбинации, выдающиеся изобретения и эпохальные социальные потрясения, циничные аферы и монументальные проекты – все имеет свою цену. Об этом рассказывает одна из самых популярных рубрик журнала «Коммерсантъ ДЕНЬГИ» – STORY, которая предлагает читателю увлекательные истории о людях, событиях и явлениях. Для первого тома «Библиотеки Коммерсантъ» мы отобрали статьи о тех, кто в разное время повелевал умами, вкусами и душами миллионов. Среди знаковых персонажей – художники и провидцы, финансисты и авантюристы, бандиты и вожди. Наши герои очень разные, и жили они в разное время, но всех их объединяет одно – без них мир был бы совсем другим.

1 story. Александр Беленький. ДЕНЬГИ № 9 (163) от 18.03.1998

Микеланджело. Великий скупой итальянского возрождения

Миф о том, что талант, чтобы творить, должен голодать, очень молод. Скорее всего, он родился в конце XIX века, в эпоху импрессионистов. Почти все они в молодости были бедны как церковные крысы и создали даже какой-то культ бедности. Художники итальянского Возрождения ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОГОЛОДАТЬ ВСТРЕТИЛИ БЫ БЕЗ ДОЛЖНОГО ПОНИМАНИЯ. Они были богаты. Очень богаты. Как, например, Микеланьоло ди Лодовико ди Лионардо ди Буонаррото Симони, или просто Микеланджело.

МИКЕЛАНДЖЕЛО УМЕЛ НЕ ТОЛЬКО ВЫИГРЫВАТЬ
ИЗ ЗАКАЗЧИКА ДЕНЬГИ, НО ЕЩЕ И ДЕЛАЛ
РАБОТУ ТАК, КАК СЧИТАЛ НУЖНЫМ

Далеко не самый великий представитель эпохи Возрождения, скульптор Джованни да Болонья (Джамболонья), всю жизнь жаловавшийся на бедность, построил себе часовню-усыпальницу, за которую отдал 175 килограммов золота (точнее, 50 тыс. дукатов – золотых монет очень высокой пробы, каждая из которых весила около 3,5 г). После смерти Микеланджело в его доме – в мешках, узлах, шкатулках и коробках – нашли 80 тыс. дукатов. Иными словами,

«золотой запас» титана Возрождения составлял около 280 килограммов. Кроме того, Микеланджело вложил огромные деньги в недвижимость во Флоренции, откуда он был родом, в Риме, где он жил несколько десятков лет, и в других итальянских городах, куда его забрасывала судьба.

Столбовой буржуй

Во Флоренции, где 6 марта 1475 года родился Микеланджело, в то время фактически правили представители семейства Медичи, которые, судя по фамилии, когда-то были аптекарями. Из «столбовых буржуев» происходил и Микеланджело. Он знал свою родословную до XII века и очень гордился ею. Поэтому, когда в 1549 году Микеланджело прослышал, что его племянник мечтает о дворянстве, он написал родственнику: «Это значит не уважать себя. Всем известно, что мы принадлежим к старой флорентийской буржуазии и можем посоревноваться в знатности с кем угодно». Действительно, в 1520 году граф Алессандро Каносса, представитель одного из самых знатных дворянских родов Италии, сообщил Микеланджело, что обнаружил в своем семейном архиве документы, свидетельствующие об их родстве. Граф почел это за великую честь. Впоследствии сведения, добытые Каноссой, не подтвердились, хотя некоторые биографы Микеланджело говорят о них как о доказанном факте.

Впрочем, не так уж и важно, был ли Микеланджело только потомственным купцом или еще и дворянином. Важно то, что он никогда не терялся, когда речь заходила о деньгах. Он умел торговаться так, что ему позавидовал бы любой нынешний продавец апельсинов на рынке.

Как-то флорентийский купец Андже́ло Дони заказал Микеланджело тондо с изображением Святого Семейства. Художник сделал работу за несколько дней и отправил картину заказчику с посыльным, приложив доверенность с просьбой выдать курьеру 70 дукатов. Прижимистый купчик передал посыльному 40 дукатов, заявив, что большего такая безделица не стоит. Микеланджело отправил курьера обратно, известив Дони, что картина подорожала до 100 дукатов. Если же Андже́ло не хочет расставаться с такими деньгами, то может вернуть картину. Дони, еще не понимая, с кем связался, решил, что Микеланджело удовлетворит первоначальная сумма, и вручил посыльному 70 дукатов. Художник еще раз увеличил цену – до 140 дукатов. Зная, что работы Микеланджело быстро растут в цене, и поняв бесперспективность дальнейшего торга, Дони заплатил требуемую сумму.

Несговорчивый исполнитель

Микеланджело умел не только выбить из заказчика деньги, но еще и делал работу так, как считал нужным. Он никогда и ничего не менял в своих произведениях по требованию работодателя. Вот один характерный пример.

Узнав, что Пьетро Содерини, глава Флорентийской республики, собирается передать кому-то из скульпторов огромный кусок мрамора, многие годы лежавший во дворе собора Санта Мария дель Фьоре, Микеланджело предложил отдать мрамор ему. Другие кандидаты к тому времени уже сошли с дистанции. К примеру, Леонардо да Винчи забраковал каменную глыбу, едва взглянув на нее. Микеланджело, утверждавший, что видит статую в любом куске мрамора – от него просто нужно отсечь все лишнее, взялся за бесформенный блок.

Когда огромный кусок мрамора начал превращаться в статую Давида, Содерини, поначалу не слишком рассчитывавший на успешный исход работы, стал проявлять к ней чрезвычайное внимание. Осмотрев готовую скульптуру, он нашел, что нос Давида несколько широк – не худо бы сделать его потоньше. Микеланджело согласился, взял резец и начал прямо на глазах заказчика усердно исполнять его пожелание. Содерини видел, как из-под резца скульптора сыплется мраморная пыль. Но это были отходы, которые Микеланджело незаметно взял с площадки, – от носа Давида скульптор не отколол ни кусочка. Когда спектакль окончился, Микеланджело спросил, нравится ли заказчику результат. «Теперь хорошо», – ответил Содерини и заплатил скульптору 400 дукатов.

Дальновидный конкурент

За работу, которую во всей Италии смог выполнить только Микел-анджело и на которую ушло три года, этого было явно мало. Может, он разучился торговаться? Может, Содерини превосходил художника в коммерческой хватке? Ничего подобного. Микеланджело обладал не только удивительной способностью разглядеть в бесформенной каменной глыбе будущий шедевр, но и гениальным чутьем на то, когда можно пожертвовать гонораром ради будущей славы, а значит, и прибыли. Так оно и случилось: создав Давида, он возвысился над всеми скульпторами своей эпохи так же, как его гигантское, 5,5-метровое, творение – над людьми.

Единственным человеком мира искусства, чья слава превосходила известность самого Микеланджело, был Леонардо да Винчи. Возможно, Микеланджело так и остался бы в тени Леонардо, но однажды Содерини решил устроить между двумя художниками соревнование, попросив их расписать по одной стене в большом зале Флорентийского совета. Сейчас уже невозможно ответить на вопрос, чья работа оказалась более совершенной. Обе они утрачены. А вот в отношении финансов успех был на стороне Леонардо – ему заплатили 10 тыс. дукатов, в то время как Микеланджело – только 3 тыс.

Но Микеланджело внакладе не остался. И дело даже не в том, что полученный в результате состязания с Леонардо гонорар в десятки раз превысил вознаграждение за Давида. А в том, что 52-летний Леонардо к тому времени уже написал свою «Тайную вечерю» и был признан величайшим живописцем Италии. У Микеланджело же, которому тогда не исполнилось и тридцати и который недолюбливал живопись, отдавая предпочтение скульптуре, крупных живописных работ еще не было. Соперничество с Леонардо прославило его и показало, что он не только величайший скульптор, но, возможно, и величайший живописец. Теперь Микеланджело мог торговаться даже с римским папой.

Папский угодник

Редкий художник не мечтает получить госзаказ. Чиновники, как правило, не блещут вкусом, но умеют скрывать этот недостаток, выкладывая за заказ огромную сумму и тем показывая, как высоко они ценят искусство. Это прекрасно знают нынешние творцы, это хорошо знали и во времена Возрождения. Микеланджело прекрасно понимал, из каких человеческих слабостей можно извлечь прибыль. К тому же он оставался прежде всего скульптором, а не живописцем. Аскульптуры стоили дороже живописных полотен, и платить за них могли далеко не многие. Поэтому, покорив Флоренцию, Микеланджело решил покорить Ватикан. И это ему удалось.

Все папы «эпохи Микеланджело» – Юлий II, Климент VII, Павел III – известны только тем, что пользовались его услугами. Всегда небрежно одетый, перемазанный красками и осыпанный мраморной крошкой, он мрачно смотрел на очередного первосвященника и упорно отстаивал свои интересы – размер вознаграждения, содержание работ, сроки их выполнения. И даже позволял себе ссориться с ними. Когда Эрнст Неизвестный говорит: «Хрущева будут вспоминать потому, что я с ним поссорился», это звучит забавно. Скажи что-то подобное Микеланджело, это было бы чистой правдой – папа Юлий II вошел в историю тем, что дважды ссорился с художником.

Вступив на престол, Юлий сразу же призвал Микеланджело и поручил ему работу над своей гробницей, пообещав 10 тыс. дукатов. Однако вскоре, решив, что строительство гробницы при жизни – дурной знак, папа от этой затеи отказался. Зато не отказался Микеланджело, уже подготовивший все необходимые материалы. Он настаивал на продолжении работ. После очередного визита упорного художника папа приказал выгнать его. Остыл Юлий довольно быстро, но Микеланджело был уже во Флоренции. Папа посылал ему письма с просьбой вернуться, а городским властям – с требованием обеспечить приезд художника. Так продолжалось, пока в посланиях не замаячила военная угроза. Городской голова тотчас вызвал Микеланджело и заявил: «Ты сыграл с папой такую шутку, которой не позволил бы себе и французский король. Мы не намерены воевать из-за тебя с Юлием, поэтому изволь-ка вернуться в Рим». Микеланджело вернулся.

Прибыв к папе, он извинился, но так, что было понятно: виноват в ссоре Юлий, а не Микеланджело. Папа сделал вид, что не заметил этого, и заказал художнику новую работу – роспись потолка и части стен Сикстинской капеллы площадью около 600 квадратных метров. И пока Микеланджело выполнял этот титанический труд, папа чуть не ежедневно приходил и торопил его. Однажды Юлий в очередной раз спросил: «Когда окончишь?» Услышав в ответ: «Когда смогу», папа рассвирепел, набросился на Микеланджело и стал наносить ему удары посохом. Юлий часто использовал такой метод внушения, и даже кардиналы безропотно сносили побои. Но Микеланджело вновь стал собираться в дорогу. Однако не успел он упаковать первый дорожный сундук, как на пороге появился посланник папы с извинениями и 500 дукатами.

Микеланджело остался в Риме и закончил роспись Сикстинской капеллы. За работу он получил 15 тыс. дукатов. Впрочем, это официальные сведения. Скорее всего, было заплачено больше – когда дело касалось Микеланджело, Юлий II не скупился. Не скупился и его преемники.

Маниакальный риэлтер

Не ограничиваясь платой за живописные, скульптурные и архитектурные работы, папы награждали Микеланджело придворными должностями, пребывание в которых сводилось исключительно к регулярному получению денег. Они предоставляли в распоряжение художника и другие источники доходов, например право взимать плату с паромных переправ через реки. Кроме того, Микеланджело сам вел активные торговые операции, в основном сделки с недвижимостью. Италию тогда раздирали бесконечные междоусобные войны, поэтому цены на недвижимость постоянно менялись, и часто представлялась возможность, купив что-то за бесценок, продать со значительной прибылью. Достоверно известно, что в 1505, 1506, 1512, 1517, 1518, 1519 и 1520 годах и практически во все последующие годы Микеланджело покупал участки земли. Сохранился один документ, датированный 1534 годом, из которого следует, что к тому времени художник владел шестью домами и семью поместьями во Флоренции, Сеттиньяно, Ровеццано, Сан-Стефано-де-Поццолатико, Страделло и других городах, не говоря уже о собственности в Риме.

В этих бесконечных покупках было что-то маниакальное. Говорят, Микеланджело, которого многие боялись, сам был подвержен приступам отчаянного, неконтролируемого страха. Возможно, покупая недвижимость, он хотел застраховаться от бедности, а потому практически не пользовался своим богатством. Он довольствовался самым малым. За это его неоднократно упрекал отец, беспокоившийся, что из-за своей скромности Микеланджело не будет пользоваться уважением.

При этом Микеланджело постоянно помогал родственникам, которые при любом удобном случае вымогали у него деньги. Своим бездарным братьям он купил земли и мастерские, племяннице преподнес в приданое поместье. Он делал дорогие подарки друзьям и слугам. Например, двух «Рабов», уже при его жизни стоивших целое состояние, Микеланджело подарил другу Роберто Строцци. Слуге Антонио он подарил скульптуру «Оплакивание Христа», слуге Урбино – 2 тыс. скудо, ученику Мини – картину «Леда, ласкаемая лебедем». Его дарам не было конца. Последний подарок он преподнес папе.

Ватиканский спонсор

Еще перед первым побегом из Рима Микеланджело поссорился не только с Юлием II, но и с архитектором Браманте. Это произошло из-за того, что Браманте забрал сто резных колонн из церкви Сан-Лоренцо, чтобы использовать их как сырье для своей постройки. Такое отношение к памятникам, особенно недавнего прошлого, для эпохи Возрождения было обычным. К примеру, для того, чтобы Микеланджело расписал плафон и стены Сикстинской капеллы, Юлий II распорядился сбить фрески художников XV века. И это далеко не единственный пример. Но Сан-Лоренцо была любимой церковью Микеланджело, и художника возмутил поступок Браманте.

Затем Браманте было поручено строительство собора Святого Петра. Этот архитектор был действительно гением, одним из крупнейших зодчих в истории человечества, но воровал, как прораб со стройки. Микеланджело пытался обратить на это внимание папы, за что Браманте, как говорили, собирался подослать к художнику наемных убийц. Впрочем, Браманте умер раньше Микеланджело. И Микеланджело, в отличие от других архитекторов, сменявших друг друга на строительстве собора после смерти гениального и жуликоватого зодчего, продолжил строить храм по плану Браманте. «Тот, кто отходит от плана Браманте, отходит от истины», – заявил Микеланджело, приняв стройку, и остался верен этому принципу до самой смерти – 18 февраля 1564 года.

Строительство собора Святого Петра стало его последним крупным делом. За него Микеланджело не взял ни гроша.

2 story. Владимир Гаков. ДЕНЬГИ № 42 (397) от 29.10.2002

Мартин Лютер. Великая октябрьская реформация

«Есть три узды, овладев которыми можно повести человечество к свету либо ко тьме. Первая из них – СИЛА, вторая – ДЕНЬГИ, третья – СЛОВО ГОСПОДНЕ» (Роман Злотников. «Вечный. Восставший из пепла»). Вложив в уста одного из персонажей весьма увлекательной «космической оперы» эти слова, автор вряд ли имел в виду нашего героя. Но к его жизни это изречение вполне применимо, ибо сейчас речь пойдет и о силе – силе духа, и о деньгах, и о слове Господнем. Утром 31 октября 1517 года жителей немецкого города Виттенберга разбудил стук молотков на замковой площади. Два монаха прибывали к воротам церкви объявление о предстоящем богословском диспуте и 95 тезисов, которые предлагал для дискуссии ученым-схоластам один из монахов – местный пастор Мартин Лютер. Считается, что С ЭТОГО СОБЫТИЯ И НАЧАЛАСЬ РЕФОРМАЦИЯ, повлекшая за собой множество событий, включая рождение современного капитализма и его специфической протестантской этики. Свою атаку на папский Рим буревестник буржуазной революции начал с обвинений в незаконной коммерческой деятельности.

Монах рабоче-крестьянских корней

Будущий вождь Реформации родился 10 ноября 1483 года в городе Эйслебене. Отец Лютера был зажиточным бюргером, за счет труда, упорства и бережливости выбившимся из безземельных крестьян сначала в горные забойщики, а затем в элитную прослойку горных мастеров, имевших свою долю в шахтах и плавильнях. Умирая, отец оставил сыновьям 1250 гульденов, на которые в то время можно было купить поместье с пахотными землями, лугами и лесом. И Мартин на всю жизнь сохранил крестьянскую основательность и упорство, выносливость рабочего и хитрость и хватку городского буржуа.

Начальное образование Лютер получил в церковноприходской школе, где его обучили чтению, письму, счету, а также пению и началам латыни. Но кроме того, школа, сильно смахивавшая на казарму («баня, где доводили до пота и страха», по воспоминаниям Лютера), научила его хитрить, держать язык за зубами, а если и совершать недозволенные поступки, то только после тщательного учета последствий. Осмотрительность помогла ему в дальнейшем.

Отец неожиданно поверил в высокое предназначение сына и в мечтах видел его в кресле бургомистра, а то и в княжеской или имперской канцелярии (что давало надежду даже на дворянский титул). Поэтому он решил дать ему приличное образование, надеясь на удачный возврат вложенных денег. Чтобы инвестировать в будущее сына максимально эффективно, Ганс Лютер навел справки и выяснил, что лучшим считается университет в Эрфурте. Туда он и отправил Мартина.

В университете Лютер не особенно блистал – по результатам бакалаврских экзаменов он занял 30-е место среди 57 студентов. После защиты магистерской диссертации отец сделал ему дорогой подарок – печатный экземпляр Кодекса гражданского права Юстиниана, дав понять, что видит его законником. Однако к юриспруденции Мартин был равнодушен. К тому же летом 1505 года произошло событие, резко изменившее жизнь молодого человека. Возвращаясь из университета, Мартин попал в ужасную грозу и, напуганный чуть не убившей его молнией, дал обет принять постриг, если останется жив.

Сказано – сделано (данному слову Лютер не изменял). Отец пришел в бешенство: мало того, что пропали вложенные в сына деньги, так теперь и внуков не дождешься – какие дети у монаха, давшего обет безбрачия! Но Мартин, за которым история сохранила его непримиримое «На том стою и не могу иначе», не уступил. Простившись с университетом, он поступил в местный августинский монастырь.

Спустя два года Лютер вернулся в *alma mater* – теперь уже в сане священника – для изучения науки, соответствовавшей его новому положению, – теологии. В ней он действительно преуспел.

Знания и способности молодого богослова были замечены. В 1508 году Лютер получил лестное предложение занять место настоятеля городской церкви в Виттенберге и одновременно читать лекции в открытом в городе университете. Затем последовали путешествие в Рим, защита докторской диссертации и назначение августинским викарием (то есть наместником епископа – почти епископом, только без епархии). В Виттенберге его авторитет еще больше вырос после того, как в 1516 году в город пришла чума.

Лютер, отвергнув предложение покинуть город на время эпидемии, остался со своими прихожанами. А затем наступил переломный 1517 год. Лютер достиг возраста Христа и был готов совершить главный поступок в своей жизни. Однако к открытому бунту против вскормившей его матери-церкви привели события случайные.

Еще во время обучения молодой человек постоянно встречал в трудах отцов церкви суждения, вызывавшие у него желание поспорить. Но Лютер давил в себе сомнение – образованный богослов прекрасно понимал, кто искушает его, строит козни и сбивает с пути истинного.

Однако священные книги – одно, а конкретная политика папы и суждения церковных авторитетов – все-таки нечто другое. И тут привыкший самостоятельно мыслить виттенбергский викарий не собирался молчать.

Он уже пришел к осознанию того, что станет сердцевиной развитой им реформаторской идеологии. Главное для истинного христианина – личная вера, а не слепое доверие авторитету. Только личная вера дает надежду на вечное спасение, а не жизнь по указке церковных авторитетов, не исполнение предписанных ритуалов, не упование на спасительную силу священных реликвий и тем более не отпущение грехов, которое можно купить за деньги.

Предоплата за грехи

Каплей, переполнившей терпение монаха-правдолюбца, стала торговля индульгенциями, развернувшаяся зимой 1517 года в германских землях. Ими бойко торговали папский субкомиссар и по совместительству бранденбургский инквизитор Иоганн Тецель и секретарь крупного торгового дома Фуггеров. Формально деньги собирали на строительство собора Святого Петра. Но на сей раз Рим решил не довольствоваться частными пожертвованиями, а наладить, как сейчас говорят, образцовый *fundraising*. О размахе торговли Лютер мог судить по тому, как уменьшилось число приходящих на исповедь. Зачем открывать свои тайны священнику, когда отпущение грехов можно просто купить? Развитие товарно-денежных отношений в Западной Европе не могло не затронуть крупнейшего хозяйствующего субъекта – церковь. Началось все с продажи светским лицам церковных должностей. Затем последовали ссуды под грабительские проценты, прямое участие в доходных операциях купцов (папские наместники не брезговали иметь дело и с иноверцами), взятие под контроль банков и торговых фирм. А потом Ватикан перешел к розничной торговле индульгенциями.

Практика избавления от мук чистилища за особые отличия перед церковью, в том числе и за жертвования, существовала со времен крестовых походов. Однако то были исключительные случаи – решения об индульгенции принимались высшими церковными органами и были адресными. Но уже в конце XIV века получила распространение упрощенная процедура. Так, грехи отпускали не только паломникам, посетившим Рим, но и тем, кто вместо этого внес денежный или имущественный взнос, собираемый папскими экспедиторами.

Оставалось сделать последний шаг для упорядочения товарно-денежных отношений в этой деликатной сфере – установить цены на новый товар и наладить выпуск соответствующих ценных бумаг. Это было сделано в 1470-х годах при папе Сиксте IV. Тогда и началась свободная продажа особых грамот с номиналом, в которых было указано, какие именно прегрешения отпускаются обладателю сего «векселя».

Тарифы на услуги можно было узнать в любом приходе. Убийство аббата или другого священника тянуло на 7-10 «у. е.» (тогда счет шел на гроссы – так назывались серебряные монеты), святотатство – на 9, убийство отца или матери – на 5 и т. д. Происхождение денег, уплаченных за индульгенцию, церковь не интересовало. Кроме того, возник «кредит» – индульгенции можно было покупать на отпущение еще не совершенных грехов, а также для умерших родственников и близких с целью уменьшить их адские муки.

Торговали индульгенциями обычно монахи-доминиканцы, но в доле были и князья, бравшие отступные за право продаж на их землях, и ростовщики, ссужавшие деньги на организацию «торговых точек» и рекламу. Известен пример, когда архиепископ Альбрехт фон Гогенцоллерн просто занял у банкиров Фуггеров сумму, равную той, что должен был выручить от продажи индульгенций и отослать в Рим, а затем выколачивал эти деньги у мирян – разумеется, с учетом процентов. А тот же Тецель, точно следуя законам рынка варьировал цену в соответствии со спросом, устраивал воскресные распродажи, давал оптовые скидки – в общем, вел себя как настоящий коммерсант.

Богопродавцы вызывали глухой ропот во всех сословиях – даже самый забитый прихожанин хоть раз, да слышал на проповеди притчу о Христе, изгнавшем торговцев из храма. А кроме того, циничное и откровенное предложение церкви решать вопросы вечного спасения с помощью звонкой монеты рождало смутное подозрение, что и вся деятельность курии на протяжении веков была просто грандиозной аферой и надувательством. И наконец, продажа индульгенций подрывала едва ли не самый привлекательный в глазах неимущих тезис христианской веры о том, что неравенство существует только на земле и что богатому попасть в рай – что верблюду пролезть в игольное ушко.

В широких слоях общества росло убеждение, что их «кидают» и делают это не первый век. Надо было только облечь это подозрение в правильно сформулированные обвинения, и сделать это должен был тот, кто изрядно поднаторел в церковной терминологии. Как сказал Маркс, «революция началась в мозгу монаха». И этим монахом стал Мартин Лютер.

Лавина сорвалась

Как и других верующих, его возмущала откровенная коммерциализация религии. Однако ученый богослов увидел в ней нечто более страшное, чем профанация религиозных таинств. Он обнаружил глубокую червоточину, поразившую весь церковный организм. Лютер усомнился в присвоенном Римом праве решать вопрос о греховности человека, в праве освобождать его от греха, сведя это к обезличенной торговой операции. Однако взрывоопасные лютеровские тезисы не заходили так далеко. Лютер еще был не готов к объявлению войны самому Святому престолу, и поэтому его тезисы, вопреки расхожему заблуждению, не были ни воинственными, ни кощунственными или оскорбительными по отношению к учению церкви. Лютер хотел корректного ученого спора – причем не только с собратьями по церковному цеху, но и со светскими властями, потому и отослал копии тезисов нескольким архиепископам и князьям.

Но как лавину в горах может сорвать просто громкий крик – лишь бы погода соответствовала, так и вежливое приглашение на диспут оказалось сродни взрыву бомбы. Отцы церкви проигнорировали тезисы Лютера, зато новость о них на удивление быстро распространилась в тех слоях общества, на которые вызвавший бурю реформатор никак не рассчитывал: среди немецких князей, мелкопоместного рыцарства, бюргерства и даже неграмотных крестьян, которым суть тезисов доходчиво объясняли грамотные горожане. Разумеется, в богословские тонкости эта новая и стремительно ширившаяся «группа поддержки» Лютера не вникала. Но она быстро уловила в ученых словесах то, что ей было нужно. Итак, церковь не имеет права брать деньги за отпущение грехов – и раньше не имела, несправедливо присваивая и церковные десятины, и оброки, и земли, и крепостных. Такие мысли вели далеко, а семя попало на подготовленную почву.

Уже к декабрю 1517 года идеи виттенбергского священника овладели массами, притом значительными. В годы, когда самым быстрым средством передвижения была лошадь, скорость распространения лютеровской ереси следует считать рекордной. Во всяком случае, первый сигнал о том, что Лютера слышали, подал, как полагается, рынок – торговец индульгенциями Тецель заметил, что его бизнес начал пробуксовывать! Задетый за живое, папский представитель быстро сочинил два контртезиса против 95 лютеровских. И уже в марте следующего года в прославленном Гейдельбергском университете началась словесная коррида, по-ученому называемая диспутом. Сравнение с корридой не случайно: если Тецель, зная о незримой поддержке папы, чувствовал себя вольготно, Лютеру посягательство, пусть и косвенное, на авторитет Святого престола могло грозить вызовом на суд инквизиции.

Для опасений имелись веские основания. Летом, когда диспут еще не закончился, папа поручил указанному судебному органу начать расследование слов и деяний баламута из Виттенберга. А 5 августа глава светской власти император Священной Римской империи Максимилиан I официально объявил доктора Мартина Лютера еретиком, коему надлежало смиренно явиться в Рим и ответить на выдвинутые против него обвинения. Как и положено благонамеренному христианину, Лютер подчинился, однако до Рима не добрался. В Аугсбурге он встретился с кардиналом Кайетаном, который пытался уговорить вольнодумца покаяться, вернуться в лоно матери-церкви и вообще не возникать. Эта встреча решающим образом подействовала на Лютера, но совсем не так, как надеялись в Риме. С помощью друзей Лютер ночью бежал из Аугсбурга и вернулся в Виттенберг, где отдал себя под покровительство курфюрста Саксонии Фридриха III.

Это было верное и тщательно продуманное решение – дала себя знать выучка в церковной школе и известном своим строгим уставом университете. Лютер понимал, что идти в одиночку на бой с папой – значит стать одним из бесчисленных мучеников совести. У него же

были другие планы – бороться за истину, отстаивать ее публично и в конечном счете трансформировать прогнившую церковь. Для этого как минимум нужно было остаться живым, а кроме того – иметь доступ к СМИ, какими бы примитивными они ни были. Поэтому он тонко воспользовался тем, что Германия тогда представляла собой лоскутный ковер из множества княжеств, а у многих влиятельных князей имелись свои счета с алчной курией. Одним из них был курфюрст Фридрих, прозванный Мудрым (а еще Саксонским Лисом).

Еретик в законе

Так началась многолетняя «борьба за Лютера». Масла в огонь подлила папская булла 1518 года, в которой Лев X освящал торговлю индульгенциями. Лютер почувствовал, что над его головой занесен меч, и стал готовиться к изгнанию из Саксонии или того хуже – к выдаче инквизиции. Но у курфюрста были другие планы, и Лютер не только избежал самого худшего, но и продолжил диспуты, которые привлекали внимание все более широких кругов образованной Европы – и необразованной, которая питалась устными пересказами.

А с 1520 года Лютер еще и расписался не на шутку. Теперь, после серии прославивших его публичных диспутов автору не нужно было думать о пиаре. Все сочинения нарушителя спокойствия из Виттенберга разлетались из типографий как горячие пирожки в базарный день.

Между тем папа инициировал новое разбирательство дела Лютера инквизицией, после чего отлучил еретика от церкви. В ответ Лютер опубликовал открытое Письмо к христианскому дворянству немецкой нации и получил предложение покровительства и защиты от сотни с лишним крупных феодалов, которые мало что смыслили в церковной схоластике, но зато имели зуб на папских наместников и виды на богатые церковные земли. А студенты его alma mater в Эрфурте принародно порвали папскую буллу и выкинули обрывки в фонтан. Университетское начальство сделало вид, что не заметило инцидента.

Все это походило уже на открытый бунт. В аналогичной ситуации спустя два века возмущенному Людовику XVI один из придворных вежливо возразит: «Нет, ваше величество, это революция».

К концу года сочинения Лютера горели в Кельне и других крупных немецких городах. Однако лавину уже было не остановить.

Неукротимый еретик написал открытое письмо папе, в котором назвал его Антихристом, а в канун 1521 года сжег у городской стены папские буллы.

Война была объявлена, и Рим потребовал у саксонского курфюрста выдачи еретика. Отказать значило навлечь те же обвинения на свою голову. Однако мудрый Фридрих постановил, что Лютер, к тому времени превратившийся в едва ли не главного ньюсмейкера Европы, не может быть заключен в тюрьму или выдан Риму без предоставления права открыто и публично ответить своим обвинителям в рамках свободной дискуссии. С этим согласился император Карл V, приказавший Лютеру предстать перед имперским рейхстагом в Вормсе, где он выслушает его в присутствии германской политической элиты и решит дело по справедливости. Лютеру гарантировали в Вормсе личную неприкосновенность.

Он прибыл в Вормс 15 апреля 1521 года, приветствуемый толпами восторженных последователей. В гарантии императора тогда мало кто верил (чешского реформатора Яна Гуса сожгли, наплевав на гарантии), в том числе и сам Лютер. Однако он не испугался, что сделало его в глазах соотечественников героем, если не святым.

Ответ Лютера на требование церкви покаяться слышала вся Европа: «Если я не буду убежден свидетельствами Писания и ясными доводами разума, ибо я не верю ни папе, ни соборам, поскольку очевидно, что зачастую они ошибались и противоречили сами себе... я не могу и не хочу ни от чего отречься, ибо неправомерно и несправедливо делать что-либо против совести. На том стою и не могу иначе. Помогите мне Бог!»

Дальнейшее, как говорится, история.

После того как император поддержал Рим, Лютер, решив не искушать судьбу, тайно покинул Вормс.

С помощью Фридриха Саксонского он разыграл свое похищение бандитами, а сам почти год отсиживался в надежном укрытии – замке Вартбург. За это время император объявил

Лютера вне закона на всей территории империи, а вскоре в Брюсселе взошли на костер первые последователи лютеровской ереси.

Но джинн уже вырвался из бутылки.

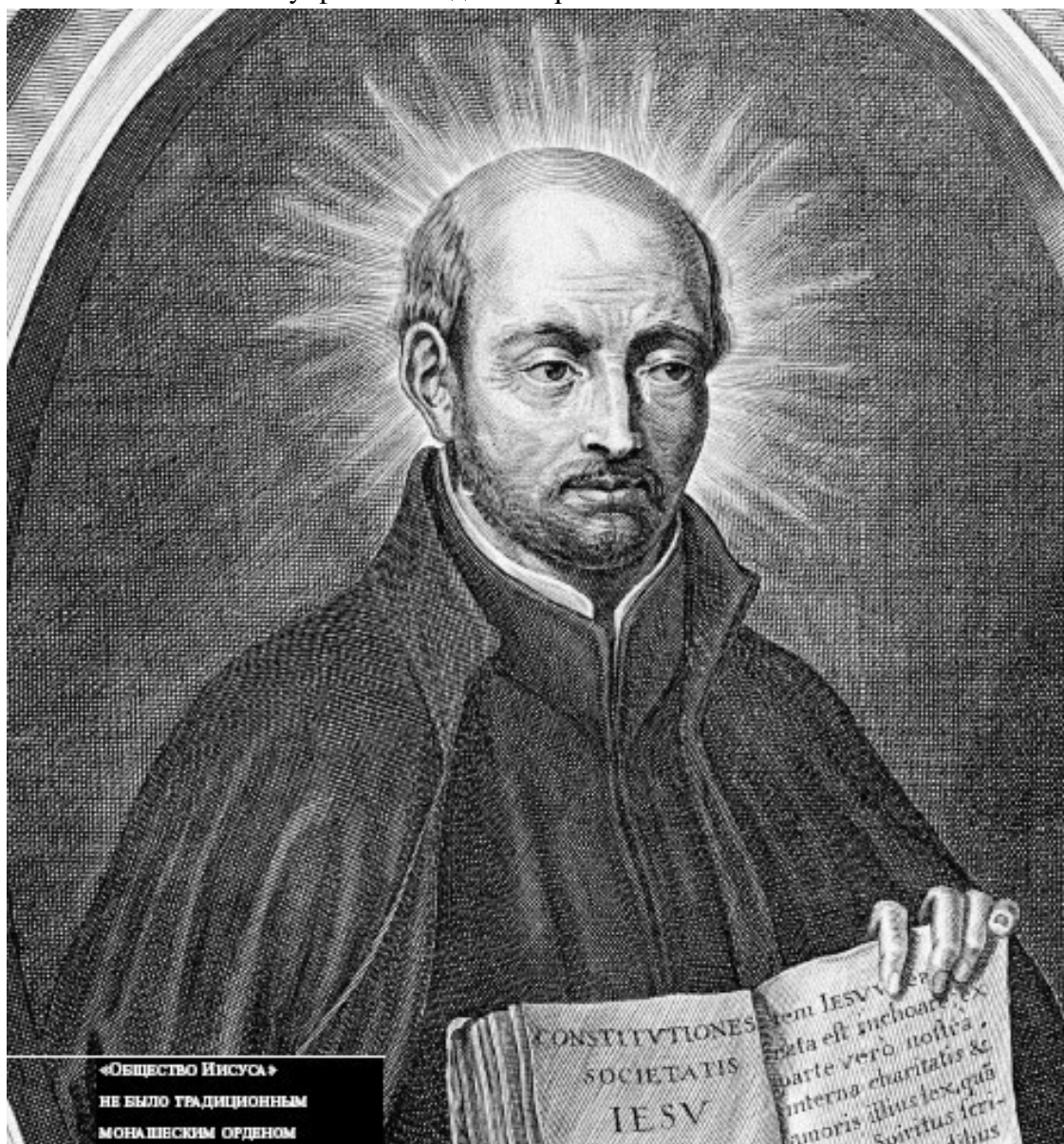
Спустя два года Лютер, слава которого неслась впереди него, свободно разъезжал по Германии, проповедовал, издавал книги, не обращая внимания на запреты и указы. Он успел перевести Библию на немецкий, создать основы новой, протестантской церкви и стать свидетелем крестьянского восстания, во главе которого стоял его последователь, теолог из Виттенберга Томас Мюнцер. Лютер дожил даже до того дня, когда протестантам была предоставлена свобода проводить богослужения на немецком, чему он немало способствовал.

Когда 17 февраля 1546 года он умер на родине, в Эйслебене, в Риме это известие было встречено ликованием. Однако к тому времени вся Саксония уже была протестантской. И Мартина Лютера похоронили в Виттенберге не как еретика, а как почетного гражданина города в крипте той самой церкви, на дверях которой он когда-то вывесил свои 95 тезисов, взорвавших мир.

3 story. Кирилл Новиков. ДЕНЬГИ № 22 (578) от 05.06.2006

Игнатий Лойола. Рыцарь печального ордена

Основатель самого крупного на сегодня ордена Католической церкви (в 2003 «пехотинцев Папы Римского» насчитывалось более 20 тыс.) создал самую могущественную в Европе организацию практически из ничего. Ее члены прославились как **МАСТЕРА ИНТРИГ И ЗАГОВОРОВ**, но двигало им вовсе не желание выстроить первую эффективную спецслужбу. Игнатий Лойола мечтал **ВСЕГО ЛИШЬ СТАТЬ СВЯТЫМ**. Суровая аскеза и изобретательное выкачивание денег из спонсоров, мистические переживания и бюрократический учет духовного опыта паствы, подчеркнутое самоуничужение и практически неограниченная власть — все эти противоречия прекрасно уживались и в самом Лойоле, и в его ордене. Начиная, Лойола имел в своем распоряжении лишь силу собственного духа и искреннюю, доходящую до фанатизма веру — в том числе веру в свое **ВЫСШЕЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ**. И эта вера себя полностью оправдала. К чести первого иезуита нужно сказать, что он никогда не рекомендовал другим того, чего не испытал сам. Даже «усмирение плоти» и жестокие страдания, сопровождающие подобное усмирение, Лойола опробовал сначала на себе, а уж потом создал из собственного опыта комплекс упражнений для неопитов.

Инвалид войны

Будущий основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола родился в 1491 году в Баскони (Страна Басков), на севере Испании, и получил по-дворянски длинное и звучное имя – Иньиго Лопес де Рекальде де Онас-и-де Лойола. Иньиго был тринадцатым ребенком в семье, так что рассчитывать на крупное наследство ему не приходилось. Однако род его считался одним из самых древних в Баскони, а потому для молодого Лойолы были открыты все пути, будь то карьера священника или военного. Отец выбрал для юноши путь придворного и устроил его в услужение к королевскому казначею дону Хуану Веласкесу. Будущий святой Римской католической церкви не отличался тогда примерным поведением и в 1515 году даже предстал перед судом за участие в неких «серьезных и вероломных преступлениях». Однако протекция дона Хуана была сильнее любых обвинений, и молодой человек отделался легким испугом. К церковной жизни дон Иньиго и вовсе не тянуло, и, по признанию соратника, написавшего его биографию, «до 26 лет он был человеком, преданным мирской суете, и прежде всего ему доставляли удовольствие ратные упражнения, ибо им владело огромное и суетное желание стяжать славу». Словом, как и полагалось дворянину, Лойола был гулякой и забиякой, да к тому же еще и неучем, поскольку не знал ни слова по латыни и читал только рыцарские романы, переведенные на испанский язык. Романы эти кружили впечатлительному дону голову, и он с удовольствием предавался мечтам о ратных подвигах и служении даме сердца. Впрочем, его непомерная амбициозность давала о себе знать уже тогда – в качестве дамы сердца он выбрал себе столь знатную особу, что не смел назвать ее имени даже на склоне лет своему биографу.

Со смертью дона Хуана в 1517 году придворная карьера дон Иньиго не закончилась, его взял к себе на службу вице-король Наварры, недавно присоединенной к Испании провинции, находившейся неподалеку от родных мест Лойолы. Тут-то молодому идальго и представился случай стяжать рыцарскую славу.

В 1521 году в Наварру вторглись французы, и Лойола оказался в осажденной цитадели Памплоны. Комендант крепости не сомневался, что город придется сдать, а потому, чтобы не допустить кровопролития, направил к противнику парламентаров. На беду в составе делегации оказался еще не понявавший как следует пороха молодой Лойола, который из рыцарских побуждений сорвал переговоры и, похоже, так взбесил французов, что те предприняли штурм.

Атаке предшествовала мощная артподготовка, которая и поставила крест на военной карьере Лойолы: ядро перебило ему правую ногу, а левую перебил обломок крепостной стены. Поскольку кроме дон Иньиго сражаться никто не хотел, крепость поспешно капитулировала, после чего настала очередь французов проявить благородство. Дону-герою была оказана посильная медицинская помощь, а затем его доставили в родовой замок Лойолы.

Врачи, вероятно, были уверены, что раненый не выживет. Из-за плохо выполненной фиксации правая нога срослась неправильно, и врачи ее вновь сломали, чтобы состыковать кости как следует. В результате Лойола едва не умер, а выкарабкавшись, с ужасом обнаружил, что правая нога короче левой, а над коленом выпирает кость. Изуродованная конечность не вязалась с образом рыцаря, и дон Иньиго распорядился удалить нарост, что снова чуть было не стоило ему жизни. Лишнее отпилили, но нога от этого длиннее не стала, и несостоявшийся рыцарь погрузился в меланхолию.

Больной требовал рыцарских романов, но в замке было только две книги – жития святых и краткий пересказ Евангелий, они и стали предметом пристального изучения. Со временем воображение Лойолы стало оперировать новыми образами, он все чаще мечтал не о пирах и охотах, а «о том, чтобы пойти в Иерусалим босиком, питаться одними травами и совершать все прочие подвиги покаяния, которые, как он увидел, совершали святые». Безграничное често-

любие идадьго приобрело новую сюжетную линию – он мечтал о том, чтобы измучиться сильнее святых мучеников и в самоотречении оставить позади самых известных аскетов.

Вскоре воображение больного так распалилось, что он стал грезить наяву, более того, разнообразные видения не покидали его до конца жизни. Когда же в одну из бессонных ночей перед ним возник образ Мадонны с младенцем Иисусом, у Лойолы окончательно развеялись сомнения в своей высокой миссии. Теперь он жил только одной идеей – прийти в Иерусалим и обратить турок в христианство. Никого из домашних дон Иньиго в свой замысел не посвятил – после ранения он стал очень скрытным. Худо-бедно поправившись, Лойола с головой отдался святой жизни, и остановить его уже ничто не могло.

Баскский экстремист

Проштудировав во время болезни две книги, Лойола пришел к выводу, что настоящий святой всегда поступает наперекор здравому смыслу, и начал свою подвижническую жизнь с подвигов в стиле Дон Кихота. Будущий миссионер по дороге в Иерусалим пустился в богословский спор с неким мавром, утверждавшим, что Пречистая Дева могла зачать непорочно, но по понятным причинам не могла остаться девственницей в ходе родов. Лойола не нашел веских аргументов против и так разволновался, что мавр предпочел убраться от него подальше. Сам же дон Иньиго разрывался между желаниями смирить гнев и убить мавра. В итоге паломник позволил принять решение своему мулу – тот не пошел вслед за ретировавшимся попутчиком и мавр остался жив. В другой раз Лойола, дабы окончательно превратиться в праведного странника, отдал свою дворянскую одежду нищему. Вскоре, правда, выяснилось, что нищего арестовали, заподозрив в том, что он эту одежду украл.

Путь Иньиго, который теперь уже не величал себя доном, лежал в Барселону, откуда он намеревался плыть в Италию и дальше – в Святую землю. Однако в Барселоне свирепствовала чума, и Лойола на год задержался в городке Манресе, где окончательно потерял облик благородного дона – он превратился в юродивого, живущего подаянием. К тому времени Лойола успел привыкнуть к видениям, которые после многодневных постов и молитв имели место чуть ли не каждый день. Паломнику неоднократно являлось «белое тело», в котором он ошибочно узнавал Христа, а также нечто, напоминавшее змею с множеством глаз, в чем он опознал Сатану. А как-то утром Иньиго даже лицезрел Пресвятую Троицу «в виде фигуры из трех клавиш», после чего в умилении рыдал до обеда. Иногда же видения были более приземленными. Так, Лойола полностью отказался от мяса, но однажды, когда он проснулся, перед его глазами возникло отчетливое видение какого-то мясного блюда и, не желая противиться божьей воле, визионер покончил с вегетарианством.

Иньиго неустанно умирал свою плоть – регулярно занимался самобичеванием, перестал стричь ногти и расчесывать волосы, ходил босиком и т. д., но искомое блаженство все не наступало. Бывшего рыцаря терзали грехи юности. Он многократно исповедовался, но отпущенные грехи каждый раз воскресали в памяти и он вновь впадал в отчаянье. Однажды он даже объявил Создателю, что будет голодать до тех пор, пока не получит от него полного и окончательного прощения. Подвижник голодал неделю, пока священник не велел ему начать принимать пищу.

Наконец в 1523 году он все же отплыл в Палестину, как обычно сопроводив это действиями, достойными пера Сервантеса. Так, накопленные попрошайничеством деньги Лойола оставил на лавке в порту и долго размышлял, стоит ли брать на корабль сухари или же положиться в вопросах питания на Божью милость. Ну а во время плаванья Иньиго так допек команду своими нравоучениями, что матросы уже подумывали высадить его на каком-нибудь пустынном берегу.

И вот в августе 1523 года Лойола ступил на Святую землю, где его встретила новая череда видений и откровений. Подвижник, похоже, полностью утратил способность к осмысленному поведению. В Иерусалиме, например, Иньиго стремился попасть на Елеонскую гору, где на камне остались отпечатки ног Иисуса, и пробрался туда, отдав турецким стражникам в качестве платы нож. Лойола помолился на горе, получил причитавшиеся ему видения и отправился в обратный путь, когда вдруг осознал, что не разобрал, где на камне отпечатались левая нога, а где – правая. Пришлось отдать стражникам еще и ножницы, чтобы снова осмотреть священный камень.

Когда все святыни Иерусалима были обойдены, Лойола решил наконец приступить к реализации мечты об обращении «турок», большинство из которых составляли все-таки арабы, в

католическую веру. И тут впервые после того, как ему угодило в ногу французское ядро, Лойола столкнулся с жестокой реальностью. Представитель ордена монахов-францисканцев, ведавший делами паломников, категорически запретил ему проповедовать. Францисканец поставил Иньиго на вид, что, во-первых, тот не говорит ни по-турецки, ни по-арабски, во-вторых, не может связно излагать свои мысли даже на испанском, и в-третьих, не имеет никакого понятия о католическом богословии, а следовательно, неминуемо впадет в ересь. Чтобы избежать неприятностей, связанных с деятельностью непредсказуемого паломника, францисканец депортировал Лойолу в Европу на одном корабле с другими беспокойными элементами, и на том самодельном крестовом походе испанского дворянина пришел конец.

Эта неудача стала для Лойолы настоящим потрясением – он, свято веривший, что Господь накормит его в пути без всяких сухарей и сделает так, чтобы «турки» поняли кастильский диалект, неожиданно столкнулся с сопротивлением католической церкви, которой как раз и собирался послужить. Лойола понял, что нельзя рассчитывать на одни лишь чудеса и стоит попробовать реализовать свою миссионерскую идею земными средствами. Так родился новый Лойола – расчетливый, сдержанный и недоверчивый, готовый притворяться, унижаться и ждать.

Люди в черном

В 1525 году, вернувшись после долгих приключений и испытаний в Испанию, Лойола твердо решил выучиться на теолога и поступил учеником в обычную школу, где дети зубрили латынь. Теперь «бедный паломник Иньиго», как он сам себя называл в ту пору, думал о хлебе насущном значительно больше, чем раньше. Отныне, где бы Лойола ни находился, он пытался найти себе богатых спонсоров, прежде всего из числа знатных дам. Первыми спонсорами подвижника стали две весьма обеспеченные сеньоры – Изабелла Розелли и Агнесса Пасквали, и в дальнейшем Лойола всегда знал, где взять денег.

Отучившись год в барселонской школе, Лойола отправился в университет Алькалы, где обратился к серьезным наукам. Здесь великовозрастный студент также налаживал связи с местными влиятельными лицами, а еще начал сколачивать группу последователей. На первых порах в кружок Лойолы вошли три студента, которые стали почитать его духовным учителем. Несмотря на крохотные размеры своей организации, Лойола придумал для нее униформу. Его последователи носили остроконечные колпаки, длинные серые одеяния, подпоясывались веревкой и отказались от обуви. Вскоре в Алькале заговорили о странных молодых людях и их харизматическом учителе. Ученики Лойолы жили подаянием, выступали на площадях с горячими проповедями и собирали милостыню, которую им с удовольствием подавали знатные горожане, в особенности богатые вдовы и старые девы.

Желая того или нет, Лойола вторгся в сферу интересов монашеских орденов, которые сами существовали за счет пожертвований и не желали ни с кем делиться. К тому же в ту пору в Европе бушевала Реформация, грозившая устоям католической церкви, а Лойола и его босоногие последователи сильно походили на представителей какой-то секты. В результате Лойола был задержан церковными властями Алькалы и допрошен местным викарием. Перед самозванным проповедником возникла перспектива оказаться в руках святой инквизиции, и, смекнув, в чем дело, Лойола быстро согласился выполнить все требования викария. Отныне ему и его ученикам запрещалось носить необычную одежду, а проповедовать они могли только по окончании обучения.

Таким образом, мечты идадьго очередной раз не выдержали столкновения с реальностью, но Лойола уже становился крепким политическим бойцом и не собирался так просто сдаваться.

В 1527 году он увез своих последователей в Саламанку, где тоже был университет, и история повторилась почти в точности. Церковь опять взяла кружок Лойолы на карандаш, и опять последовал арест. Ситуация усугубилась тем, что Лойола, постоянно искавший спонсоров, слишком хорошо разагитировал двух знатных вдовствующих сеньор – мать и дочь, которые решили по его примеру переодеться нищенками и жить святой жизнью. Женщины сбежали из дома, и Лойолу держали в тюрьме, пока они после месяца скитаний не вернулись домой.

Вновь над Лойолой нависла грозная тень инквизиции, и вновь ему удалось отделаться обещанием не проповедовать до получения диплома. Теперь Лойоле стало ясно, что в Испании ему делать нечего, и он перебрался в Сорбонну, чтобы вербовать спонсоров и учеников там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.